

ной политики Испании и Великобритании для стран Карибского бассейна. Весьма информативен небольшой очерк Э. Г. Александренкова о судьбе индейского населения в связи с завоеванием Вест-Индии европейскими державами и той дискриминационной политикой, которую они проводили по отношению к индейцам.

Все остальные главы представляют собой очерки, посвященные истории социально-этнического развития населения отдельных стран, формированию их этнического состава, а также характеристике населяющих их этнических общностей и групп. Каждый из них, несомненно, содержит немало интересных фактов и научных наблюдений. Тем не менее среди этих очерков хотелось бы выделить некоторые, как представляется, наиболее удачные. К ним относятся главы о Ямайке (А. Д. Дридзо), о Пуэрто-Рико (Ш. А. Богиной) и о Гаити (Н. Н. Кулаковой).

Особое место в книге занимает очерк о Кубе. Закономерно, что он является и наиболее обширным. Формирование кубинцев как нации, складывание их современных культурно-бытовых особенностей представляют тем больший интерес, что кубинцы первыми в регионе и вообще в Западном полушарии вступили на путь социалистического развития и, как верно подчеркивает автор этого очерка Б. В. Лукин, в настоящее время формируются в социалистическую нацию. Однако неясно, почему автор не привлек сведения, содержащиеся в книге Фернандо Ортиса о развитии табаководства и культуры сахарного тростника на Кубе¹, в которой известный кубинский исследователь не только описал внедрение в стране сахарного производства, но и показал значение изменений в сельском хозяйстве для этнокультурного развития страны, а также сформировал принципиально важную концепцию транскультурации, существенную для понимания формирования кубинцев как нации. Автор напрасно не использовал содержательную и ценную своим фактическим материалом статью Франсиско Переса де ла Ривы², в которой имеются данные о материальной культуре кубинцев, т. е. по теме, вообще говоря слабо освещенной в кубинской этнографической литературе.

Хотелось бы высказать несколько общих замечаний по поводу рецензируемой книги. В ней отсутствует заключение, и это очень жаль, так как в нем можно было бы подвести некоторые итоги и обобщить материалы и данные, изложенные в отдельных главах. Думается, в частности, что одним из таких обобщений могла бы быть мысль о постепенном формировании карибской историко-этнографической области. Имеющиеся сведения, изложенные в отдельных очерках, как нам кажется, дают достаточные основания для такого вывода. Было бы, далее, полезно подчеркнуть значение экономических факторов и их своеобразного проявления в процессе формирования этнического состава населения описываемого региона. В данном случае эта связь особенно хорошо видна: появление на островах Карибского бассейна всех новых этнических компонентов, как показывают имеющиеся фактические данные, всякий раз было вызвано экономическими причинами. В заключении полезно было бы также подчеркнуть мысль о неравномерности этнического развития и консолидации этнических общностей в регионе. Специфика складывания этих этнических общностей состоит, в частности, в том, что все они представляют собою, в сущности, иммигрантские этносы, что процесс их «этногенеза» (консолидации) приобрел длительный, почти постоянный характер. Этим обусловлена разная степень завершенности — незавершенности этого процесса. Вместе с тем, думается, что в отдельных случаях (например, в случае с пуэрториканцами) можно было бы более решительно высказаться по поводу формирования этих народов в определенные типы этнических общностей.

Наконец, еще одно замечание. Вызывает сожаление, что для характеристики этносов стран карибского бассейна авторы не сочли необходимым привлечь сведения, касающиеся традиционных элементов культуры и быта, таких, как народное жилище, типы поселений, одежда, пища, формы семейного быта и т. п. Отдельные упоминания всех этих сторон быта и культуры, конечно, не могут заменить собою, пусть даже краткие, но специальные их характеристики.

Высказанные замечания все же не меняют общего благоприятного впечатления, которое производит на читателя труд советских этнографов-латиноамериканистов. Эта работа может рассматриваться как существенный вклад в исследование этнографии Карибского региона.

В. В. Пименов, В. Г. Стельмах

¹ Ortíz F. Contrapunteo cubano del tabaco y el azúcar. La Habana, 1963.

² Pérez de la Riva F. La habitación rural en Cuba. — Revista de arqueología y etnología, La Habana, 1952, № 15—16.

НАРОДЫ АФРИКИ

Э. С. Годинер. Возникновение и эволюция государства в Буганде. М.: Наука, 1982, 152 с.

Проблема становления классов и государства относится к числу самых важных и в то же время наиболее трудных в исторической науке. О том, как этот процесс протекал в древности, можно судить в основном лишь по данным археологии. Однако они, сами по себе взятые, по своей природе, не способны пролить свет на то, какие именно

эксплуататорские отношения возникали в том или ином обществе. Появление письменности, как правило, относится ко времени, когда этот процесс в основном уже был завершен. К тому же ранние письменные источники не всегда дают возможность восстановить даже уже сложившиеся к данному времени общественные порядки, не говоря уже об их становлении. В силу всего этого особую ценность для решения рассматриваемой проблемы имеют данные этнографии не только о «живых» первобытных общинах, но и о продолжавших вплоть до последнего времени существовать обществах, в которых шло формирование классов и государства.

И одним из самых интересных социальных организмов подобного типа безусловно была доколониальная Буганда. Она резко отличалась от подавляющего большинства известных этнографии формирующихся классовых обществ. Это было единое централизованное политическое образование с площадью в 26 тыс. кв. км и с населением в 1 млн. чел. Имеется значительное число источников, позволяющих не только нарисовать достаточно полную и достоверную картину общественного строя Буганды середины XIX в., но в значительной степени также восстановить историю возникновения и развития этого социального организма. И еще на один важный момент следует обратить внимание. В силу изолированного положения Межозерья становление классового общества в Буганде в течение веков происходило без какого-либо влияния со стороны уже возникших цивилизаций. А это означает, что классовые отношения в Буганде были по своему характеру самыми архаичными. Поэтому их исследование способно пролить свет на становление самых ранних в истории человечества классовых обществ.

Однако несмотря на огромное теоретическое значение, которое представляют материалы о Буганде, в нашей литературе этому социальному образованию почти совсем не уделялось внимания. Рецензируемая монография восполняет этот пробел. Ее несомненно можно оценить как существенный вклад в советскую африканистику. Но, на наш взгляд, только этим ее значение далеко не исчерпывается. Она значительно продвигает вперед в решении проблемы становления первой формы классового общества и соответственно государства.

Книга Э. С. Годиной состоит из введения и четырех глав. Во введении дается сжатый, но по существу исчерпывающий обзор источников и историографии проблемы. Самые ранние письменные источники по истории Буганды относятся к XIX в. Они позволяют восстановить существовавшие в то время общественные порядки, но отнюдь не историю их становления. Поэтому важное значение приобретает вопрос об использовании богатейшей устной традиции баганда и других народов Межозерья. Автор, на наш взгляд, совершенно правильно решает его, выступая как против не критического использования преданий, так и против гиперкритического отношения к ним. В следующих за первой главой «Экономические предпосылки образования государства (XII—XIII вв.)» главах — второй — «Становление государства в Буганде эпохи Кинту (XIII—XIV вв.)» и третьей — «Эпоха Кимеры и дальнейшая эволюция государства баганда (XVI—XVIII вв.)» автор демонстрирует великолепное умение выявлять рациональные зерна, содержащиеся в традиции. Важнейшим средством достижения этой цели является сопоставление преданий с данными археологии, палеоантропологии, лингвистики, которых много приводится и в первой главе. Все это позволяет Э. С. Годинер восстановить основные моменты истории Межозерья вообще, Буганды в частности, в период с XII—XIII вв. по XIX в. В главе четвертой — «Социально-политическая структура Буганды конца XVIII—первой половины XIX в.» автор, базируясь в основном на письменных источниках, рисует яркую и, на наш взгляд, во всех основных моментах верную картину общественного строя данного образования в указанное время.

Э. С. Годинер отличает исключительная добросовестность. Нет буквально ни одной сколько-нибудь значительной работы, даже косвенно касающейся истории Буганды, которая выпала бы из ее поля зрения. В этом смысле монография в известной степени подводит итог всем исследованиям в этой области. Однако рецензируемая книга меньше всего представляет собой простую сводку фактического материала. Самое ценное качество автора состоит в том, что он нигде не останавливается на поверхности явлений, а стремится проникнуть в их сущность, осмыслить факты, дать им определенное объяснение. Все данные, приводимые в книге, обобщены и представлены в определенной системе, что сказалось и на структуре работы. Изложение отличается последовательностью, стройностью, логичностью. Мысли автора изложены до предела четко и ясно. Исключения представляют, пожалуй, лишь несколько страниц заключительной части четвертой главы, касающиеся самых общих теоретических проблем. Книга написана прекрасным языком, интересно, свежо, по-своему. И как всякое оригинальное, самобытное исследование ставит лицом к лицу с целым рядом вопросов, требующих обсуждения.

Буганда XIII—XV вв., по словам автора, «еще не государство в собственном смысле слова» (с. 87). Государство в эту эпоху еще только формировалось. В книге нигде прямо не говорится, когда именно закончился этот процесс, но, как явствует из содержания, автор придерживается мнения, что к XIX в. в Буганде уже существовало подлинное государство. Общество к этому времени уже «переступило грань государственности» (с. 138). Иначе, по мнению Э. С. Годиной, обстояло дело с классообразованием. Даже в первой половине XIX в. этот процесс находился «еще на очень ранних этапах» (с. 128). Классы к этому времени еще только начали складываться.

На вопрос, какое именно классовое общество формировалось в Буганде, автор дает четкий ответ только в одном отношении. Как категорически заявляет Э. С. Годинер, там не формировались ни рабовладельческое, ни феодальное общества. Рабство в Буганде, хотя и существовало, но играло второстепенную роль. Феодальных же отношений в ней не существовало совсем (с. 30—32, 139 и др.). И с этими выводами.

на наш взгляд, нельзя не согласиться. Они полностью отвечают действительному положению вещей. Но если совершенно ясно, что именно автор отвергает, то с позитивным решением вопроса обстоит иначе. Однако не определяя классовую структуру Буганды, автор в то же время дает превосходное ее описание.

Все население Буганды в XIX в. совершенно отчетливо подразделялось на две основные большие группы. Одну из них составляли рядовые общинники — *бакопи*, другую — люди, входившие в состав государственного аппарата, — *мвами*. Низшее звено иерархически организованного государственного аппарата составляли деревенские старейшины. Выше их стояли правители подразделений провинции, еще выше — правители провинций (*саза*). Во главе иерархии находился правитель всей Буганды — *кабака*, считавшийся не только верховным собственником земли, но собственником и источником всех вообще благ, распределяемых в обществе (с. 109, 133). В XIX в. кабака обладал неограниченной властью. Он имел право на жизнь и смерть всех членов общества, не исключая самых высокопоставленных мвами (с. 109—111, 131). Территориально-административная иерархия в столице и на местах дополнялась штатом придворных служб (с. 110—111). Часть продукта, созданного трудом бакопи, поступала в форме налогов государству и распределялась между мвами согласно их положению в иерархической системе.

Таким образом, одна из двух названных больших групп людей безвозмездно присваивала часть продукта, созданного другой группой, т. е. эксплуатировала последнюю. Этот факт полностью признается автором (с. 125, 138). Как отмечается в монографии, данный тип эксплуатации был ведущим в бугандийском обществе, что резко отличает его как от рабовладельческого, так и феодального (с. 139). В Буганде, по мнению автора, имели место «резко выраженные социальные антагонизмы» (с. 139). И в то же время, даже говоря в одном месте о наличии в Буганде «складывающихся классов» (с. 137), автор нигде прямо не характеризует данные группы как классы, даже формирующиеся. И тому есть серьезные причины.

По мнению Э. С. Годи́нер, классами две названные большие группы людей не могут считаться потому, что они не различаются отношением к средствам производства. «Определяющий признак классов, различное отношение к собственности на средства производства, — категорически утверждает автор, — в Буганде не обнаруживается» (с. 139). А не обнаруживается он потому, что в бугандийском обществе отсутствовала частная собственность на средства производства (с. 133—139). Именно из этих посылок и следовал вывод, что хотя бугандийское общество и было уже расколото на две большие группы людей, из которых одна эксплуатировала другую, тем не менее процесс классовобразования в нем был еще на самых ранних этапах, классы не столько даже формировались, сколько едва еще намечались.

Подобного рода трактовка бугандийских отношений столкнула автора с целым рядом сложных проблем. Первая. Если в Буганде не было частной собственности, то с чем же было связано образование двух больших групп людей, из которых одна эксплуатировала другую, и на чем же была основана эта эксплуатация? И вторая. Если классовобразование в Буганде XIX в. было еще на самых ранних этапах, то каким образом в ней к этому времени могло существовать сложившееся государство?

В поисках решения Э. С. Годи́нер обратилась к Ф. Энгельсу, который, как известно, писал в «Анти-Дюринге» о двух путях классовобразования. Один из них состоял, по Ф. Энгельсу, в появлении «органов для защиты общих интересов и отпора противостоящим интересам», приобретении ими все большей самостоятельности по отношению к обществу и превращении их из «слуг общества» в «господ над ним»¹. Сам Ф. Энгельс в качестве примера деятельности, требовавшей координации усилий значительного числа людей, приводил ирригационные работы в масштабах целых речных долин².

В Буганде нужды в ирригации не существовало. И автор ищет иные природные же причины, которые обусловили бы появление общих интересов у людей, населявших территорию, где зародилась бугандийская государственность. «Прижаты к озеру, остро нуждавшиеся в металле, пастбищах, скоте и солях, которые в изобилии имелись совсем по соседству, предки баганда не могли не стремиться к территориальным захватам» (с. 84). Но общее руководство и координация военных действий были возможны лишь при условии, «если разделенные болотами холмы Буганды будут связаны единой сетью коммуникаций» (с. 86). Необходимость организации, во-первых, военного дела, во-вторых, общественных работ по сооружению и поддержанию сети дорог вызвала к жизни государство (с. 86). А это в дальнейшем привело к разделению общества на бакопи и мвами. Таким образом, первичным и ведущим моментом в развитии Буганды было возникновение государства. Все остальное, включая появление эксплуатации и антагонизмов, было вторичным, производным. Соответственно с этим становлению государства в книге уделяется основное внимание, что нашло отражение в ее названии. Правда, автор в какой-то степени пытается связать само зарождение государственности с эксплуатацией. Но говоря о присвоении прибавочного продукта в эпоху становления бугандийского государства, автор имеет в виду прежде всего военную добычу. Единственная форма эксплуатации рядовых общинников внутри самой Буганды в это время — «неравенство в распределении добычи» (с. 87). В особенностях природных условий и обусловленной ими специфике хозяйства Буганды автор видит конечную причину не только зарождения государства, но и отсутствия движения по пути к частной собственности (с. 138).

¹ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 184.

² Там же.

Все эти соображения, вероятно, заслуживали бы детального рассмотрения, но только при условии, если бы оказалось, что рассмотренные выше общественные отношения были присущи одной лишь Буганде. Однако в действительности дело обстоит совершенно иначе. Отношения описанного типа имеют самое широкое распространение. Они существовали по всей Африке, в Азии, Южной и Северной Америке, Океании, причем в обществах, живших в самых различных природных условиях и с далеко не одинаковыми формами хозяйства³. Уже отсюда следует, что объяснить появление эксплуататорских отношений данного типа, а тем более их специфику особенностями природной среды невозможно. Столь же неверно, по нашему мнению, рассматривать существование этих отношений как показатель того, что классовое образование находится еще на самых ранних стадиях. Отношения данного типа не просто существовали, но были господствующими не только в формирующихся, но и в уже вполне сформировавшихся классовых обществах, какими были, например, общества Древнего Востока. Известны вполне сложившиеся классовые социальные организмы, в которых не существовало никакого другого общественно-экономического уклада, кроме образованного данными отношениями. Примером могут служить и Китай эпохи Западного Чжоу и империя инков накануне их завоевания испанцами⁴.

Данный способ производства был в свое время выделен и описан К. Марксом под названием «азиатского». Во введении автор указывает, что подавляющее большинство зарубежных марксистов относят в настоящее время африканские классовые общества именно к этому типу (с. 32). Характеризуя их взгляды, Э. С. Годинер отмечает, что специфической чертой обществ этого типа они считают «существование государственно-эксплуататорского общественного строя при отсутствии частной собственности на средства производства» (с. 32). В этом отношении их взгляды совпадают с теми, что отстаиваются в рецензируемой работе. Однако несмотря на широкое распространение этих представлений не только среди зарубежных марксистов, но и среди советских исследователей, согласиться с ними, на наш взгляд, нельзя.

В основе такого рода точки зрения лежит слишком узкое понимание частной собственности. Она представляется, во-первых, как собственность отдельного лица, которая может передаваться по наследству, во-вторых, как полная собственность данного лица, исключающая собственность на эти же объекты других людей. Именно такой была в большинстве случаев частная собственность в эпоху домонополистического капитализма. И подобное представление было в дальнейшем распространено исследователями на другие эпохи и общества иного типа. Говоря о частной собственности, они фактически имели в виду буржуазную частную собственность, которая в действительности является лишь одной из многих форм такой собственности.

Суть частной собственности в любой ее форме заключается в том, что она является собственностью только части членов общества, причем такой, которая дает этой части возможность безвозмездно присваивать труд другой его части. В качестве частного собственника может выступить отдельный представитель класса эксплуататоров — в таком случае мы имеем дело с персональной частной собственностью, группа членов этого класса — в таком случае перед нами групповая частная собственность, или, наконец, весь класс в целом — тогда перед нами классовая частная собственность. Частная собственность на средства производства совершенно не обязательно должна быть полной, как при рабстве и капитализме. Она может быть верховной: в таком случае представители угнетенного класса тоже являются собственниками средств производства, но только подчиненными. Такова феодальная частная собственность.

Характерная особенность рассматриваемого способа производства состоит в том, что он был основан на классовой верховной частной собственности на землю и личности непосредственных производителей, неизбежно выступавшей в форме государственной собственности. Именно с этим и связано совпадение в общем и целом класса эксплуататоров с государственным аппаратом. Поэтому данный способ производства лучше всего именовать политарным. Соответственно можно говорить о политарном обществе, политарной общественно-экономической формации⁵. Как явствует из сказанного, в основе деления политарного общества на две большие группы людей лежит прежде всего различие в их отношении к средствам производства. Одна из этих групп была верховным частным собственником земли и личностей непосредственных производителей материальных благ, представители другой были подчиненными собственниками земли и своей личности. Иначе говоря, эти две большие группы людей обладали всеми основными признаками общественных классов. Политарное общество было классовым в точном смысле слова.

В случае с Бугандой мы имеем дело с политарным обществом, однако таким, процесс формирования которого еще не завершился. Это общество было протополитарным, протоклассовым. Соответственно формирующимся было в нем и государство. Оно может быть охарактеризовано как прагосударство или протогосударство. Показатель перехода грани, отделяющей формирующееся классовое (протоклассовое) общество от собственно классового — появление комплекса феноменов, который принято именовать цивилизацией. Суть цивилизации заключается в появлении особой культуры господствующего класса, отличной от ранее единой культуры общества, пре-

³ См. *Семенов Ю. И.* Об одном из типов традиционных социальных структур Азии и Африки: прагосударство и аграрные отношения. — В кн.: *Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки*. М.: Наука, 1980, с. 103—208.

⁴ Там же, с. 106—108.

⁵ Подробнее об этом см.: *Семенов Ю. И.* Указ. раб., с. 111—115; *Теория общественно-экономической формации*. М.: Наука, 1982, с. 156—163

вращающейся теперь в основном лишь в культуру рядовых членов общества, эксплуатируемых масс. Обособление культуры господствующего класса имеет место в сфере как материальной, так и духовной жизни общества. В последней появление цивилизации выражается прежде всего в возникновении письменности.

Буганда этот порог еще не перешагнула. Если бы было исключено влияние со стороны более развитых обществ, она в конечном счете превратилась бы в подлинно классовый социальный организм, по всем своим основным чертам тождественный с Ранним, а затем Древним царствами Египта.

Буганда и Древний Египет представляют один из двух основных вариантов становления и развития первой в истории человечества классовой общественно-экономической формации — политарной. К нему относятся также общество Древнего Китая, майя Древнего царства, империя инков. Самый яркий пример второго основного варианта дают города-государства Древнего Шумера. В этнографии он представлен протоклассовым обществом городов-государств йоруба, какими они были еще в XIX в.

«Египетский» и «шумерский» варианты становления классового общества — единственные, которые возможны в условиях, когда никаких сложившихся классовых обществ не существует либо вообще на земном шаре, либо в данном регионе. Все остальные варианты становления классового общества прямо или косвенно связаны с влиянием уже сложившихся классовых обществ.

Как явствует из сказанного, в рецензируемой работе имеется немало спорных положений, что, на наш взгляд, является не недостатком ее, а наоборот, огромным достоинством. Интересная и умная книга Э. С. Годиной вносит существенный вклад в разработку проблемы становления классов и государства.

Ю. И. Семенов

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Путилов Б. Н. Песни Южных морей. М.: Наука, 1978. 193 с.; *его же*. Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. М.: Наука, 1980. 383 с.; *его же*. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М.: Наука, 1981. 213 с.; Человек с Луны. Дневники, письма, статьи Миклухо-Маклая/Сост., коммент. и послесловие Путилова Б. Н. М.: Молодая гвардия, 1982. 336 с.; *Putilov B. N. Nikolai Miklouho-Maclay. M.: Progress, 1982.*

На протяжении последних пяти лет Б. Н. Путилов опубликовал несколько книг, тесно связанных регионально и тематически. Первые две из них посвящены фольклору и мифологии Океании, и прежде всего крупнейшего острова этого обширного культурно-исторического мира — Новой Гвинеи. Три последующие книги рассказывают о замечательном исследователе коренного населения этого острова — Н. Н. Миклухо-Маклае. В 1971 г. автор этих книг принял участие в экспедиции, посетившей в числе других мест Океании и Берег Маклая на Новой Гвинее; во время этой экспедиции ему удалось собрать много магнитофонных записей океанийского фольклора.

Книга «Миф — обряд — песня Новой Гвинеи» вышла в серии «Исследования по фольклору и мифологии Востока», публикуемой Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» и отмеченной многими первоклассными трудами, составившими заметное явление в развитии советской и мировой науки (книгами Е. М. Мелетинского, В. Я. Проппа, О. М. Фрейденберг и др.). Создание этой серии — большая заслуга Главной редакции восточной литературы. Книга Б. Н. Путилова является, подобно другим изданиям этой серии, во многом необычной и новаторской, что и выделяет ее среди других исследований фольклора и мифологии Новой Гвинеи.

Автор подходит к первобытному фольклору коренного населения Новой Гвинеи как к «своеобразнейшему феномену культуры» с характерным для него синкретизмом и сложными функциональными связями (с. 12). Эти связи распространяются за пределы собственно фольклора, в другие сферы духовной и общественной жизни, образуя живую сеть цельной синкретической культуры, свойственной этому уровню социального развития, что и составляет одну из главных его особенностей. Книга Б. Н. Путилова и строится на анализе этой системы связей между фольклором, мифом и обрядовой жизнью новогвинейцев. Анализ начинается с мифологии как наиболее фундаментального явления духовной жизни. Особое место и значение первобытной мифологии состоит в том, что она отражает общественное сознание в его целостности. Мифологическая система носит всеохватывающий характер, глубоко и разносторонне проникает во все сферы жизни, быта, культуры, сознания, служит важным регулятором социальных связей и поведения. Автор высказывает верное наблюдение, что «в то время как повествовательный миф обращен, как правило, к далекому прошлому и воспроизводит эпизоды истории, принадлежащей мифическому времени, миф, воссоздаваемый в ритуальных формах, как бы размывает временные границы, переносит события прошлого в сегодняшний день» (с. 15). Но едва ли справедливо утверждение, что конечные рубежи мифического времени определяются «временем установления данной этнической общности» (с. 16). Сам факт «размывания» временных границ, отмеченный автором, показывает, что этих рубежей, собственно, не существует и что мифическое время парадоксально